

Костенко Диана Евгеньевна

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ КАК ДОМИНИРУЮЩИЙ ТИП МИРООЩУЩЕНИЯ В ЭМИГРАНТСКОЙ ПРОЗЕ Н. ТЭФФИ НА ПРИМЕРЕ СБОРНИКА РАССКАЗОВ "РЫСЬ"

В статье предпринимается попытка выявления ключевых и косвенных признаков доминанты экзистенциального сознания в рассказах Н. Тэффи эмигрантского периода посредством анализа их трагикомического характера через призму нового мироощущения писательницы. Упоминаются идеологические и культурные ценности эмигрантов первой волны, бытовые и психологические трудности, сопровождающие ассимиляцию в новую среду; рассматривается их взаимосвязь с изменениями в мировосприятии и творчестве писательницы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/5-2/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 5(59): в 3-х ч. Ч. 2. С. 15-19. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. **Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований** (Архив КБИГИ). Ф. 12. Оп.1. Ед. хр. 62. Папка № 10. Паспорт 1. Адыгские обряды - Адыгэ тыхьхэр. с. Серноводское. 29.11.1968. Зап. от Ахметовой Хаджет Ельбаздуковны (ок. 60 лет, кабардинка), зап. Гукемух А. М.
2. **Архив КБИГИ**. Ф. 12. Оп.1. Ед. хр. 62. Папка 10. Паспорт 5. с. В. Акбаш. 12.12.1968. Зап. от Коновой Куцы Хамидовны, 68 лет, зап. Аутлева С.
3. **Архив КБИГИ**. Ф. 12. Оп.1. Ед. хр. 62. Папка № 10. Паспорт 8. Хутор Губжоков, Курского р-на, Ставропольского края. 20.11.1968. Зап. от Желокова Анна Федоровна, 1906 г.р., зап. Гукемух А. М.
4. **Архив КБИГИ**. Ф. 12. Оп.1. Ед. хр. 222. Папка 31а. Паспорт 1. а. Адыге_хабль, Карачаево-Черкесская автон. обл. 13.09.1958. Зап. от Саншюков Мах Кантемирович, 1891 г.р., зап. Иванов Х.
5. **Архив КБИГИ**. Ф. 12. Оп.1. Ед. хр. 222. Папка 31а. Паспорт 2. с. Ст. Черек, Урванского р-на. 02.06.1959. Зап. от Иванова Тембулата Асхадовича, 78 лет, зап. Иванов Х.
6. **Джандар М. А.** Песня в семейных обрядах адыгов. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1991. 144 с.
7. **Льэтеувэ уэрэдхэр** // Адыгэ Иуэрыгуатэхэр. Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапэ. Налшык, 1963. Н. 166-171.
8. **Мэфгэдз С.** Адыгэ хабзэ. Налшык: Эль-Фа, 1994. 359 н.
9. **Нало З. М.** Сабий щэнгъасэ – япэ тхыль. Налшык: Эль-Фа, 1998. 416 н.

THE SPECIFICITY OF FOLKLORE TEXTS DEVOTED TO THE RITE OF THE FIRST STEP

Gutova Lyana Adamovna, Ph. D. in Philology

The Institute of Humanities Researches of the Kabardino-Balkarian Scientific Centre
of the Russian Academy of Sciences
adam.gut@mail.ru

The article deals with the rite devoted to the first step of a child in the traditional culture of the Adyghe. The author focuses on the motives of the rite conduction, its functions, the verbal component (songs, good wishes, and children's play poem), and the sub-ethnic and local variants. The phenomenon is considered in the context of the traditional way of life and the scale of spiritual values of the Adyghe society in its evolution.

Key words and phrases: rite; tradition; ritual games; songs; poems.

УДК 821.161.1

В статье предпринимается попытка выявления ключевых и косвенных признаков доминанты экзистенциального сознания в рассказах Н. Тэффи эмигрантского периода посредством анализа их трагикомического характера через призму нового мироощущения писательницы. Упоминаются идеологические и культурные ценности эмигрантов первой волны, бытовые и психологические трудности, сопровождающие ассимиляцию в новую среду; рассматривается их взаимосвязь с изменениями в мировосприятии и творчестве писательницы.

Ключевые слова и фразы: Тэффи; экзистенциализм; эмиграция; ностальгия; экзистенциальное сознание; Русское зарубежье; эмигранты первой волны.

Костенко Диана Евгеньевна

Северо-Кавказский федеральный университет
gurmandiza@mail.ru

**ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ КАК ДОМИНИРУЮЩИЙ ТИП
МИРООЩУЩЕНИЯ В ЭМИГРАНТСКОЙ ПРОЗЕ Н. ТЭФФИ
НА ПРИМЕРЕ СБОРНИКА РАССКАЗОВ «РЫСЬ»**

Как известно, русская эмиграция, предшествующая временам 1-й мировой войны, носила преимущественно религиозный и экономический характер. Эмиграция, состоявшаяся уже после 1917 года – белая эмиграция – по праву именовалась «культурной». Такое явление, как Русское зарубежье, и, в частности, литература Русского зарубежья, ознаменовало собой начало трагедии русской культуры XX века. Не удивительно, что творчество писателей и поэтов Русского зарубежья неразрывно связано с философией экзистенциализма и носит, преимущественного, экзистенциальный характер. На фоне этого явления мы наблюдаем практически беспрецедентный случай, когда даже юмористическая литература меняет свою направленность и трансформируется в трагикомическую остросоциальную прозу, которая являет собой своеобразную сублимацию эмоций и состояний, характерных для личности в состоянии экзистенциального конфликта.

Мы привыкли рассматривать философию экзистенциализма как учение о том, что значат для индивида потрясения, связанные с острокризисными жизненными ситуациями, преобразование или деградация его жизненных целей и принципов под гнетом положения, когда он не в силах контролировать ход и исход событий. Несмотря на негативную конфронтацию чувств и глубокий внутренний конфликт, в который человек вступает сам с собой в этот период, чаще всего речь идет о человеческой выдержке и новом витке духовного развития, некоего иного осмысления жизни и понимания ценности и главной цели существования.

XX век, как один из наиболее тяжелых периодов истории, экзистенциалисты представляют как век кризиса гуманизма, разума, культуры, своеобразное выражение «мировой катастрофы». Самосознание экзистенциальной личности в XX веке, как правило, характеризуется апокалиптическим страхом, чувством одиночества, заброшенности, абсурдности существования.

Непосредственно с литературой философия экзистенциализма тесно соединяется в период после первой мировой войны, благодаря трудам Ж. П. Сартра и А. Камю, а затем достаточно быстро распространяется и в других странах. В России с философией экзистенциализма, прежде всего, связаны имена Николая Бердяев и Льва Шестова.

Актуальность философии экзистенциализма в наше время, особенно в литературе, и не только в качестве камерного философского учения, но и как отдельной дисциплины, обусловлена особенностями эпохи, которая характеризуется различными кризисами – экономическими, политическими, культурными, а соответственно, и кризисом в концепции свободы человека, переоценке его моральных устоев, необходимости интегрироваться в относительно новые условия существования. Экзистенциализм остается наиболее полно отражающей настроение современного общества областью философии. В свете такой ситуации, изучение истоков философии экзистенциализма в литературе и анализ творчества наиболее ярких представителей времени расцвета этого учения представляются нам крайне своевременными и интересными. Кроме того, на данном этапе развития экзистенциализм не просто философское направление, а скорее культурное движение, отражающее глубокие эмоциональные и духовные изменения в сознании современного человека, уникальную психологическую ситуацию, в которой он находится, и выражение психологических трудностей, с ней связанных.

На данном этапе развития экзистенциальной философии как дисциплины наиболее продуктивные исследования экзистенциального сознания ведет именно литературоведение. Обозначив определенный тип мироощущения и отдельное смысловое поле, которое включает в себя сущность проблематики экзистенциальной философии, термином «экзистенциальное сознание» в 2002 году В. В. Заманская [1] обозначила принципиально новое понятие, позволяющее рассматривать творчество отдельных писателей с позиции основных экзистенциальных категорий, к которым различные исследователи относят страх, безысходность, абсурдность существования, ностальгию, одиночество, тошноту, заботу, решимость, совесть.

Экзистенциально ориентированная художественная литература – это, прежде всего, пространство, в котором идет поиск человеческой экзистенции, и этот поиск идет в пространстве человеческой свободы. Однако трактовка свободы как экзистенциальной единицы неминуемо влечет за собой целый ряд связанных с ней аспектов: свобода и одиночество, свобода и моральные ценности, свобода и творчество. В частности, последний тандем представляет собой особый интерес в контексте данной эпохи (эмиграция первой волны и трудности, связанные с самореализацией людей творческих профессий в эмиграции).

Сегодня для наиболее полного понимания сути экзистенциальной мысли литературоведы обращаются к литературе эмигрантской среды или к литературе Русского Зарубежья, ведь ни одно другое массовое явление ранее не служило настолько плодородной почвой для расцвета идей экзистенциальной философии внутри конкретного сформированного сообщества. Тяжелые условия жизни, работы и быта, онтологическая ситуация, характерная для данной среды, поставили белых эмигрантов в пограничную ситуацию, по определению столь характерную для появления или обострения экзистенциального кризиса, расположили их для размышления над основными категориями экзистенциализма, то есть создали все необходимые условия для осознания себя как сути экзистенции. Даже незнакомые с данной терминологией эмигранты в большинстве своем неизбежно должны были прочувствовать на себе все этапы возникновения экзистенциального конфликта.

Альбер Камю, один из основоположников экзистенциализма в литературе, полагал, что, если мир «обесчеловечен», что следует из сознания человеком себя как существа одинокого, не нужного миру, люди, не понимающие сами себя, также одиноки и разобщены, между ними царят отношения, являющиеся бессмыслицей [2]. Именно по этой причине произведения писателей-эмигрантов, и произведения об эмигрантах, передают гипертрофированное ощущение абсурдности мира, крушения ценностей и надежд, абсолютное одиночество человека в обществе и страх, а порой, и идею неизбежности гибели культуры в таком обществе.

Одна из самых ярких представительниц круга писателей и поэтов своей эпохи, Надежда Тэффи, имела несомненное преимущество перед другими юмористами – «смех сквозь слезы» к тому времени, по ее же словам, уже стал визитной карточкой автора, теперь же этот мотив в полной мере мог раскрыться и отобразить безрадостную действительность. И хотя юмористические рассказы, как обозначают малую прозу Тэффи, не принято рассматривать с точки зрения экзистенциализма, мы убеждены, что именно трагикомичный характер ее творчества, который, без сомнений, преобладает в эмигрантском периоде, характеризует экзистенциальную сущность мироощущения писательницы в это время ее жизни.

Нелепость существования людей в эмигрантском обществе, обесмысливание привычных ценностей, беспросветность и «беспочвенность» – таков основной лейтмотив рассказов Тэффи эмигрантского периода. Как отражение этого мотива, в ее произведениях – несчастные, потерянные люди, занимающиеся совершенно чуждыми для себя занятиями, а также живущие постоянным самообманом – или надеждой на возвращение, или, напротив – на то, что в новом мире им однажды удастся стать «своими». Ее герои в эмиграции живут бесполезной, «не своей» жизнью.

Творчество Тэффи эмигрантского периода в контексте экзистенциальной художественной литературы предстает перед нами как явление беспрецедентное и обособленное, в какой-то мере даже парадоксальное. Никогда прежде экзистенциальное сознание не воплощалось настолько явственно в комических произведениях, юмористической прозе.

До эмиграции в ее произведениях много безудержного, самоцельного смеха. Не случайно эпиграфом к первой книге юмористических рассказов стала цитата из Спинозы: «Ибо смех есть радость, а посему сам по себе благо». В рассказах Тэффи рано проявилось то, что коренным образом отличало ее от других юмористов и сатириков – горечь смеха, некая надломленность, сострадание к тому, над кем смеется она, и над кем Тэффи предлагает посмеяться читателю. Вдумчивый писатель-наблюдатель – она не выдумывает, а подмечает человеческие слабости и противоречивость природы, и от этого горько вдвойне. Но, в отличие от таких известных юмористов, как Саша Черный или Дон Аминадо, она испытывает боль за своих героев, даже самых недалеких и, на первый взгляд, недостойных. Глубина эмоциональной природы в ее произведениях безусловна и не поддается сравнению с другой юмористической литературой того времени.

Ключевой аспект, который отражает экзистенциальный тип сознания в эмигрантском творчестве Тэффи – ее герой. Кто он – существо, оказавшееся на перепутье, оторванное от корней и всеми силами старающееся интегрироваться в новое пространство, или человек, отчаянно пытающийся отстоять память о безвозвратно ушедшем прошлом? Можем ли мы судить о его морали? Эти вопросы кроются практически в каждом ее сочинении. И однозначного ответа на них быть не может. Эта тупиковость или безысходность и является ключевым признаком глубокого экзистенциального конфликта в ее эмигрантской прозе. Герои Тэффи – люди, которые выбирают для себя одну из крайностей, даже если сознательно ищут ответы на эти вопросы.

Эпиграф к сборнику «Рысь» характеризует общее настроение вошедших в него рассказов: «Не говори: “отчего эти прежние дни были лучше теперешних?”, потому что не от мудрости ты спрашиваешь об этом. Екклесиаст 7:10» [5, с. 310].

В рассказах Тэффи исследуемого периода сосредотачиваются настроения писателей-эмигрантов старшего поколения. Практически каждый видный литературный деятель той эпохи так или иначе затрагивает проблему самосознания личности, оказавшейся на перепутье. Люди думающие, особо тонко чувствующие, оторванные от родной земли – герои таких произведений. И поэты, и прозаики акцентируют внимание читателя на собственных ощущениях, столь характерных для экзистенциалистов – отчаянье, отчуждении, заброшенности. Известный поэт и писатель русского зарубежья, которого некоторые исследователи даже называют «первым русским экзистенциалистом», Георгий Иванов, писал:

«За столько лет такого маянья
По городам чужой земли
Есть от чего прийти в отчаянье,
И мы в отчаянье пришли» [3, с. 45].

Названия рассказов в сборнике «Рысь» становятся косвенными признаками экзистенциальной направленности эмигрантской прозы Тэффи. Среди них – «Смешное в печальном», «Ностальгия», «Тоска», «Вспоминаем», «Тонкие письма», «В мировом пространстве», «Как быть», «Свой и чужие», «Без предрассудков» и т.д.

Центральная тема рассказов сборника – ностальгия, болезненная, назойливая и неотступная. Как известно, ностальгия относится к одному из базовых инструментов мышления экзистенциалистов. На наличие ностальгических настроений указывают не только конкретные упоминания об этом чувстве, но и постоянные описания событий и картин из прошлого. Теперь, не в пример предыдущим работам писательницы, практически в каждом рассказе мы встречаем слова «память, воспоминания», а вопрос «А помните?..» звучит все чаще и печальнее.

Рассказ «Ностальгия» как нельзя лучше отражает состояние экзистенциального конфликта, присущее героям Тэффи. «Приезжают наши беженцы, изможденные, почерневшие от голода и страха, отъедаются, успокаиваются, осматриваются, как бы наладить новую жизнь, и вдруг гаснут. Тускнеют глаза, опускаются вялые руки, и вянет душа, душа, обращенная на восток» [5, с. 326]. Текст пестрит выражением крайне концентрированного чувства боли за оставленную родину, привычки, традиции, которые, не смотря на все усилия, на чужбине не возродить. Автор делит жизнь и время на «здесь» и «там», и объясняет, что, хотя и нужно «спасаться» и «спасать других», «там мало осталось и воли, и силы» [Там же, с. 327].

Мы видим рассуждения на характерную тему самообмана, свойственного белым эмигрантам – приехавший из России аптекарь рассказывает, что большевизму конец через два месяца, и русские эмигранты вторят: «Ну, конечно, через два месяца. Неужели же дольше? Ведь этого не может быть!» [Там же, с. 329].

Крайне примечателен диалог французской кухарки и старой няньки из Москвы, которую вывезла к себе русская семья. Их разговор является своеобразной метафорой на диалог двух культур, которым никак не дано друг друга понять.

О том же рассказ «Воскресенье». Автор отчетливо дает понять, что французские привычки, менталитет, культура никогда не смогут стать родными или хотя бы понятыми русскими людьми. Саркастично рассказывает Тэффи о французских ресторанах, где подают «пустые тарелки», на краях которых может лежать «огрызок говядины» или в которых дают «облизать блюдечко» из-под шпината или варенья [Там же, с. 338]. То же о театрах, в которых идет «Ки-Ки», «Фя-Фи» или «Си-Си» в характерном для французов жанре «комедии ситуаций», высеивающем, как правило, семейные ценности, стиль парижан: «Она – в нитяных перчатках и хорошей шляпке или в хороших перчатках и скверной шляпке – в зависимости от магазина, в котором служит» [Там же, с. 339].

Тэффи говорит об усталости от чувства безысходности, о том, как трудно сохранить оптимизм, надежду на лучшее и даже веру, с которой большинство русских, даже на чужбине, не расстаются.

В рассказе «Две встречи» бывший офицер и «бывлой красавец жуир» Андрей Николаевич Кармятов, спившейся и погрязший в долгах, в сердцах восклицает, обращаясь к тишине: «Кончено! Умерла Россия. Продали, пропили. Кончено!», а потом, после непродолжительного отрезка времени, герой встречает старого знакомого

в совершенно ином виде, и настроение его тоже иное: «...большевики во многом правы <...> не сегодня-завтра о нас вспомнят и позовут. ...работать надо. Стройте молодую Россию. Кроме нас некому» [Там же, с. 335]. И снова – характерные для экзистенциализма категории – ощущение безысходности, самообман и обреченность.

Тема смерти также становится привычной для эмигрантской прозы писательницы. Причем упоминается о ней так, будто смерть уже наступила. Для Тэффи настоящая, страшная смерть – не физическая, а смерть духа, смерть надежды, которой, не смотря на самообман, на деле практически не осталось. «Боялись смерти и умерли смертью здесь», «в нашей загробной жизни» – пишет Тэффи [Там же, с. 341]. Бесцельность существования, по Тэффи, рождает ощущение уже наступившей смерти.

В рассказе «Башня» Тэффи обращается к категориям одиночество, свобода: «...жуткое ночное небо и хочется поскорее найти на нем старых знакомых, чтобы не чувствовать себя чужим и одиноким» [Там же, с. 312]; «Крутил вокруг острова злой ветер, тряс соснами, гудел скалами, плевал морской пеной до самой колокольни – не давал плыть домой» [Там же, с. 313]. Эйфелева башня в рассказе символизирует собой чужбину, к которой привыкнуть и «вместе на свете жить – уж больно диковинно».

Отличительной чертой эмигрантской прозы Тэффи, в частности рассказов в сборнике «Рысь», является одновременно эмоционально-чувственное и волевое состояние, выраженное в осознании себя в положении, по сути, жертвы обстоятельств, и одновременное сопереживание «товарищам по несчастью». «Время мы переживаем тяжелое и страшное. Но жизнь, сама жизнь по-прежнему столько же смеется, сколько плачет. Ей-то что!» [Там же, с. 322]. В сущности, вся проблематика экзистенциально ориентированной художественной литературы и всей экзистенциальной философии сводится к конфликту личности самой с собой, причем конфликту неразрешимому, который часто выражается в проблеме выбора правильного курса. Однако правильность всегда оказывается под вопросом, как и возможность «свободного выбора». Такой конфликт мы наблюдаем в рассказах Тэффи.

«Писала она об очень усталых, незаметно стареющих, одиноких людях. О штабс-капитанах, превратившихся в шоферов такси. О седовласых стариках, ставших мальчиками на побегушках в русских бакалейных лавочках. О лысеющих дядях, которых все почему-то называют “Вовочками”, хотя душе общества Вовочке давно уже пошел седьмой десяток. В рассказах ее часто появляются мятущиеся женщины с мерцающими глазами, которые успокаиваются на том, что начинают делать шляпки или становятся портнихами...» [4, с. 90].

Герои Тэффи из комических превращаются в трагических. Рассказ «Летчик» – о Грише Петрове, которого отправляют бросать бомбы на Казань, где живет его семья – жена и дети, обличен трагическим фарсом – мать Гриши рассказывает о смерти летчика, посланного в Казань, который «обгорел так, что и лица не видать» и добавляет, что «мне и не жалко было. Собаке собачья смерть!» [5, с. 323], не подозревая, что летчиком был ее сын.

В рассказе «Вспоминаем» даже о советском быте, «корявом», «уродливом», «смертном», когда пили не чай, а «какую-то морковку, траву», и картошки было почти не достать, эмигранты теперь говорят с любовью – «какая была жизнь удивительная!» [Там же, с. 330]. То же в рассказе «Дачный сезон» – съем дачи, который непременно сопряжен проблемами, несбывшимися обещаниями хозяев, теперь для эмигрантов окутан романтическим флером и все той же ностальгией по ушедшим временам. Все, что было в России или как-то с Россией связано, кажется прекрасным, знакомым до боли и безвозвратно утерянным.

Одиночество в эмигрантских рассказах Тэффи гиперболизировано и принимает исполинские масштабы в контексте не только новой жизни в эмиграции, но и последних дней в покинутой России. Герой рассказа «Вдвоем» умирает от воспаления легких, из-за того, что стал топить вместо спальни столовую, в которой возле окна поселилась муха, ставшая для героя единственным оплотом и компанией в эти «черные дни».

Одиночество отражается в мыслях автора о бесконечности, о Боге, о конечности жизни, о смертности и отдаленно о смертности души, как об уже состоявшейся трагедии.

С другой стороны, понимание необходимости ассимиляции в здешнем обществе не дает окончательно возобладать этой духовной смерти над реальной жизнью. «Не говорите об этом по-русски» – просит героиня рассказа «Башня». И в этой короткой фразе читателю открывается глубинный смысл, трагичность всей ситуации «сытых эмигрантов» [Там же, с. 312].

Рассказы сборника «Рысь» характеризуются также страхом перед неопределенностью. В большинстве случаев страх считается негативным явлением, но экзистенциалисты придают ему позитивную окраску. Они говорят, что страх потрясает человека во всех отношениях. Он необходим нам для того, чтобы вытянуть себя из размеренного, бездумного проживания жизни. Именно страх даёт возможность абстрагироваться от всех ежедневных проблем, забот и посмотреть на происходящее со стороны. Экзистенциалисты считают, что страх подобен огню, он сжигает все *несущественное* и временное; отвлекает человека от всего мирского. Только тогда проявляется истинное существование. Когда человек поднимается над бездумным проживанием, он понимает, что большинство его ценностей, ориентиров и жизненных отношений ошибочны. Прежде он был ими ведом, но теперь он целиком опирается на самого себя, и лишь в этом проявляется истинная свобода. Этот метафизический страх становится одним из главных отражений экзистенциальной картины мира героев Тэффи.

Кроме того, в рассказах сборника «Рысь» нередко встречаются описания ощущений, свойственных экзистенциальному страху. Тэффи пишет о том, что «здесь» «душно» и «не хватает воздуха» (удушье), нам «тошно» (тошнота) и «ничего не хочется» (апатия).

Язык повествования приобретает все больше дневниковый характер, когда автор склонен к рассуждениям, нежели к открытым диалогам, задает много риторических вопросов, делится воспоминаниями, анализирует происходящее. Повсеместно встречаются слова – «хаос», «черная смерть», «ностальгия», «чужое, чуждое», «безысходность», «тоска».

В эмигрантских рассказах Тэффи четко прослеживаются лирико-драматические и социально-психологические мотивы, которые базируются на социально-комедийной основе. Даже отрицательные персонажи у нее испытывают драмы «частного характера», и фигуры, прежде комические и сатирические, становятся трагикомическими.

Истинным способом познания, способом проникновения в мир «экзистенции» у Тэффи объявляется интуиция. Мир в ее рассказах интимно близкий и понятный, а суть идеальной свободы – свобода личности от общества, которой не дано воплотиться в жизнь. Несмотря на все тяготы жизни в эмиграции и онтологическую ситуацию, сложившуюся в Русском зарубежье, Тэффи не потеряла живой ум и присутствие духа, а также сохранила сугубо индивидуальный взгляд на мир.

Список литературы

1. **Заманская В. В.** Экзистенциальная традиция в русской литературе. Диалоги на границах столетий. М.: Флинта, 2010. 410 с.
2. **Камю А. А.** Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
3. **Русские стихи 1950-2000 годов:** антология (первое приближение): в 2-х т. / сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. М.: Летний сад, 2010. Т. 1. 878 с.
4. **Седых А.** Далекие, близкие. Нью-Йорк: Издание «Нового Русского слова», 1962. 267 с.
5. **Тэффи Н. А.** Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Книжный клуб Книговек, 2011. Т. 3. Все о любви; Городок; Рысь: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. 416 с.

**THE EXISTENTIAL CONSCIOUSNESS AS A DOMINATING TYPE OF ATTITUDE
IN N. TEFFY'S EMIGRANT PROSE BY THE EXAMPLE OF THE COLLECTION OF SHORT STORIES "LYNX"**

Kostenko Diana Evgen'evna
North Caucasian Federal University
gurmandiza@mail.ru

In the article the attempt to identify the key and indirect indicators of the dominant of the existential consciousness in N. Teffy's short stories during the emigrant period by analyzing their tragicomic nature through the prism of the new attitude of the writer is made. The author mentions the ideological and cultural values of the emigrants of the first wave, the domestic and psychological difficulties that accompany the assimilation in the new environment; and considers their interrelation with the changes in the world outlook and creativity of the writer.

Key words and phrases: Teffy; existentialism; emigration; nostalgia; existential consciousness; the Russian abroad; emigrants of the first wave.

УДК 82-1/-9

В статье анализируется процесс взаимодействия новеллы и романа как одна из тенденций развития английского новеллистического жанра 20-30-х годов XX столетия. На примере произведений В. Вулф, Дж. Джойса и Д. Г. Лоуренса рассматривается вектор движения от новеллы к роману, когда малый жанр выступает как основа, на которой разрабатываются художественные приемы, находящие затем выражение в романной прозе.

Ключевые слова и фразы: роман; новелла; межжанровое взаимодействие; поэтика.

Лебедева Ольга Владимировна, к. филол. н.
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
olgalebedeva79@mail.ru

**«ОТ НОВЕЛЛЫ К РОМАНУ» КАК ОДНА ИЗ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ
АНГЛИЙСКОГО НОВЕЛЛИСТИЧЕСКОГО ЖАНРА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX СТОЛЕТИЯ**

Начало 20-х годов XX века – период взлета английского малого жанра. Перемещение акцентов в принципах литературного творчества (под воздействием открытий в физике, философии и психологии) привело к созданию нового типа новеллы, представляющего собой продукт трансформации поэтики психологизма предшествующего этапа. Отображая в своих новеллах внутренний мир героев, писатели-новеллисты активно работают в поисках нового наполнения жанровой формы. Безусловно, первооткрывателем на этом пути оказался Джеймс Джойс. Его концепция эпифании, заменившая новеллистический поворот, существенно повлияла на структуру новеллы и в значительной степени определила движение жанра в сторону углубления художественной условности. Особенность авторской позиции (отстраненность автора, определившая специфические художественные средства: внутренний монолог и несобственно-прямую речь), эмоциональный тон, создаваемый изображением ассоциативного потока мыслей героев при «ослабленности» в новелле внешнего действия, музыкальность (ритм, интонации), лейтмотивность стиля, интертекстуальность